

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЦЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПЕРВОБЫТНОМУ МОНУМЕНТАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

(РАБОТЫ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ УРАЛА) *

Научная литература о писаницах и петроглифах нашей страны обогатилась исследованием Валерия Николаевича Чернецова «Наскальные изображения Урала». На протяжении семи лет опубликовано два выпуска. Это две части единого труда с рядом сквозных сюжетных линий. С той же проблематикой неразрывно связаны и две последние итоговые работы В. Н. Чернецова: статья «О приемах сопоставления наскальных изображений», опубликованная в журнале «Советская этнография» (1969 г.), и автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (1970 г.).

Первый выпуск рецензируемого труда состоит из краткого, но емкого по содержанию предисловия и трех глав. В первой — освещена история открытия и исследования наскальных изображений Урала, вторая — содержит краткие замечания о возрасте и названии уральских писаниц. И, наконец, в последней опубликованы писаницы бассейна р. Тагила. В приложении помещено 26 отдельных таблиц наскальных изображений, и 36 рисунков дано в тексте.

Композиция второго выпуска иная. В начале его помещено тщательно выполненное описание 11 новых скоплений писаниц, а вслед за ним обстоятельная исследовательская часть, включающая три следующие главы: «Сюжеты и композиции наскальных изображений Урала», «Назначение и внутреннее содержание наскальных изображений Урала» и «Писаницы Урала и наскальные изображения других территорий».

В «Заключении» уточняется вопрос о датировке писаниц, а также даются некоторые историко-этнографические интерпретации собранному и изложенному в обоих выпусках материалу. Масштаб таблиц во второй части значительно крупнее (1:10 вместо 1:20), каждая из них фиксирует площадь в 12 м².

Первой и чрезвычайно ответственной задачей каждого исследователя наскальных изображений является объективная, максимально полная и точная документация самого материала — писаниц или петроглифов, ибо от этого в значительной степени зависят полнота и достоверность последующих выводов.

Автор стремился представить максимально точные копии писаниц, свести к минимуму субъективные наблюдения при копировке, дать читателю возможность проверить выводы работы непосредственно по приведенному материалу. Отказ от заливки фона мелом, смачивание писаниц водой, контрольные копировки с участием других исследователей, выполненные при различном освещении, многократное посещение одних и тех же писаниц с целью проверки своих первоначальных впечатлений, сличение копий с прежними зарисовками, известными по архивам, — все это гарантия высокого уровня фиксации первоисточников. История изучения петроглифов и писаниц показывает, что далеко не всем эта работа оказалась под силу.

Хорошо иллюстрированная фотографиями, рисунками и таблицами книга В. Н. Чернецова обладает тем ощутимым эффектом присутствия, который так необходим подобного рода трудам. Читая ее, чувствуешь своеобразие местоположения писаниц Урала, способы их нанесения, цвет, характер контура рисунков и множество других особенностей.

Автор знакомит нас с историей исследования наскальных изображений Урала. Архивные разыскания показывают, что начало их изучения относится к 1699 г. Хотя писаницы издавна привлекали внимание ученых, местных краеведов и путешественников.

* В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников, вып. В4-12. М., 1964, 52 стр.+26 табл.; его же, Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников, вып. В4-12, М., 1971, 120 стр.— 16 табл. (Эта работа вышла уже после смерти В. Н. Чернецова).

(как русских, так и иностранных), выполнивших ряд копий, порою довольно точных, обстоятельного исследования о них так и не появилось.

В. Н. Чернецов начал изучать наскальные изображения Урала, хорошо понимая, что они могут быть ценнейшими источниками для понимания древних периодов развития материальной культуры и хозяйства, этнической истории и первобытных верований. Еще в 1927 г. он совершил не вполне удавшуюся из-за сильного паводка поездку по р. Тагил, которую затем повторил в 1938 г. Через 20 лет, в 1958 г., под его руководством на Урал выехала специальная экспедиция. В результате проведенных полевых работ, архивных и библиографических поисков, изучения литературных источников В. Н. Чернецов смог составить полный список и схему расположения наскальных изображений Урала, включающую около 40 памятников (ч. I, рис. 1). Естественно, это не конечный итог. По мнению В. Н. Чернецова, возможны новые открытия писаниц на Урале; более того, исследователем очерчены и районы, где эти открытия наиболее вероятны (ч. II, стр. 49—51). Появилась возможность точнее прогнозировать эти поиски.

В. Н. Чернецов не ограничился публикацией наскальных изображений, его волновал главный вопрос — «кем, когда и с какой целью наносились изображения на прибрежные скалы уральских рек». Глубоко эрудированный в области археологии и этнографии, фольклора и лингвистики, исследователь умело использовал свои богатейшие знания и при изучении писаниц. Подлинно исторический подход к этим памятникам, рассмотрение их в неразрывной связи с историей первобытного общества данного региона, духовной жизнью, хозяйством, социальной организацией и естественно-географическими факторами — вот характерные черты оригинального творческого почерка автора рецензируемого труда. Первоклассный этнограф, В. Н. Чернецов глубоко чувствовал связи между писаницами и создавшим их первобытным обществом. Трудности расшифровки содержания и смысла наскальных изображений, по его мнению, заключаются помимо всего в том, что здесь «роль индивидуального творчества и случайности неизмеримо выше, чем в самой примитивной письменности». И еще об одном предупреждал исследователь: не забывать, что наскальные изображения, как правило, относятся к отдаленным эпохам, и мировоззрение их творцов далеко не всегда может быть легко понято современным человеком (ч. I, стр. 5). Эти и другие отправные положения способствуют правильной, глубоко научной ориентировке в изучении наскальных изображений любого региона лесной полосы Евразии. Превосходный анализ конкретного источника (уральских писаниц), сделанные на этой основе глубокие выводы можно считать крупным научным достижением.

В писаницах Урала В. Н. Чернецову удалось выделить «несколько сюжетных композиций», устойчиво повторяющихся на всей территории их распространения. В ряде случаев даже выявилась закономерная группировка этих композиций на отдельных скалах. По мнению исследователя, их однотипность (в пределах каждой группы они построены как бы по единым схемам) «заставляет думать, что каждая из них соответствовала определенной теме в комплексе некогда проводившихся обрядов и действий, являясь как бы ее графической формулой» (ч. II, стр. 71, 72).

Выделение устойчиво повторяющихся сюжетных композиций потребовало напряженной предварительной работы по определению семантики рисунков, изучению их стиля, выявлению наиболее важных стилистических деталей и т. д. Этот изобразительный материал как бы ожил в исследовании В. Н. Чернецова, сумевшего рассмотреть в хаотичном переплетении фигур, знаков и линий (принимаемых иногда за детали орнамента) ловчие загороди и засеки, рыболовные запоры, ловушки лабиринтного и корзинного типов, коридорно-туниковые загоны, корралы, кольцеобразные загоны и зигзагообразные загородки, ловушки типа «котцов», возможно сети, бумеранги и боласы. В сочетании с изображенными рядом лосями и оленями, водоплавающими птицами, фигурами людей, солярными и небесными символами они предстали перед ним как композиции, значительно конкретизирующие наши представления о хозяйственной жизни и занятиях творцов писаниц.

Всего В. Н. Чернецовым выделено три основных сюжета (с вариантами внутри них). Уникальное птицевидное изображение из третьей группы Соколинских утесов на р. Тагил можно считать четвертым сюжетом (отличным по своему содержанию от всех остальных), и, наконец, к пятому отнесены небольшие группы изображений в некоторых писаницах Тагила, предположительно связанные с культом медведя.

Первые два сюжета отражают охотничий промысел, но в одном случае его объектом являются животные, во втором — птицы. Композиционная схема по существу однообразна для всей обследованной территории: изображения объектов промысла, загородок и ловушек, солярных и небесных символов и изредка — фигуры людей. В близости композиционных схем В. Н. Чернецов не без основания видел отражение однородности «лежавших в их основе обрядов, представлений и общественной значимости».

Любопытно, что в писаницах в бесконечных повторениях присутствуют лишь коллективные приемы охоты с помощью ловчих загородей и засек и нет ни одного изображения ручного лука и стрел. В. Н. Чернецов объясняет это тем, что индивидуальная охота широкого общественного значения не имела: «писаницы отражали только коллективные виды охоты, результаты которой имели значение для достаточно крупной территориальной общности людей» (ч. II, стр. 76—83).

Группу композиций, включающих изображение птицы, солярного или небесного символа и дерева, В. Н. Чернецов склонен считать переходной к третьему сюжету, в ко-

тором почти нет реалистических изображений животных, но появляются условно-антропоморфные и антропо-зооморфные фигуры в сочетании с изображениями охотничьих или рыболовных сооружений (первый вариант) или же с солярными знаками (второй вариант). Многочисленные параллели этим условным и стилизованным фигурам В. Н. Чернецов находит в угорском орнаменте и графике. Для дешифровки их он привлек песни и действия, которые рассматривал тоже как магические по своей форме, но уже не промысловые, а тотемные, возможно, некогда связанные с идеей размножения (ч. II, стр. 76, 89).

Интересной особенностью писаниц Урала является обилие солярных знаков и изображений небосвода (особенно в композициях первого сюжета). Это тем более нуждается в объяснении, что «...в традиционных представлениях и мифологии обских укров солнце не играет сколько-нибудь заметной роли». Само солнце не было объектом почитания, природа солярно-небесных символов писаниц Урала кроется в особенностях местных экологических условий, а именно в периодичности миграций копытных, что играло огромную роль в жизни людей. Эти миграции были связаны с определенными временами года. В. Н. Чернецов решительно отвергает мысль о солярной символике в египетском духе (ч. II, стр. 94, 116).

Каждый, кто так или иначе сталкивается с наскальными изображениями, прежде всего задает вопрос об их возрасте. Исследователи единодушно считают этот вопрос одним из самых важных и сложных во всем комплексе проблем петроглифов. Ни один из применявшихся прежде приемов датировки писаниц Урала — по сходству, цвету краски и по находящимся рядом с наскальными изображениями памятникам — не удовлетворял В. Н. Чернецова. Датирующие критерии он искал в самих изображениях и затем увязывал их с другими датирующими фактами. Так была выявлена тождественность типичных фигур наскальных рисунков с фигурами керамического орнамента (ч. I, стр. 19). В качестве опорной была взята фигура зигзага с отростком, встречающаяся на керамике эпохи раннего металла (первые века II тысячелетия до н. э.) и среди писаниц. Отсюда время возникновения традиции наскальных изображений Урала определялось как первые века II тысячелетия до н. э.

Во втором выпуске работы исследователь значительно удвинул эту дату на основе сходства некоторых наскальных фигур с гравировками на костяных вкладышевых наконечниках дротиков из Шигирского торфяника. В автореферате докторской диссертации появление некоторых изобразительных элементов на наконечниках дротиков, сходных с изобразительными элементами в писаницах, В. Н. Чернецов был склонен относить к концу V — началу IV тысячелетия до н. э., т. е. ко времени не позднее начала среднего неолита на Урале. Не считая возможным выделить среди известных наскальных изображений Урала столь ранние писаницы, В. Н. Чернецов все же не сомневался в том, что они существовали. Это предположение подтверждается необыкновенной устойчивостью некоторых изобразительных форм, не изменявшихся существенно на протяжении ряда тысячелетий. Менее определенно этот же вывод звучит в заключительной части самого исследования: «Остается открытым вопрос, когда в Зауралье появились наскальные изображения», хотя и «есть некоторые основания относить их существование уже к раннему неолиту» (ч. II, стр. 111). При всех оговорках сама постановка вопроса о столь значительному удвинутии возраста писаниц Урала и, следовательно, расширение их хронологического диапазона представляются очень важными.

Много внимания В. Н. Чернецов уделял выяснению этнической принадлежности писаниц Урала. Он пришел к выводу, что их творцами являются предки современных обских укров, в частности манси, и еще одной довольно близкой им, но исчезнувшей ныне угорской группы (ч. II, стр. 58). Основанием для такого определенного вывода (тем более интересного, что точная этническая принадлежность петроглифов или писаниц обычно определяется с большим трудом или же вовсе не поддается такому определению) послужил целый ряд прямых и косвенных наблюдений. Едва ли не основным доводом является подмеченная исследователем значительная стилистическая близость ряда характерных фигур писаниц, с одной стороны, и рисунков на бересте, орнамента, татуировки обских укров — с другой.

Из этнографических фактов, находящихся в какой-то связи с наскальными изображениями, В. Н. Чернецов отмечал «охотничьи затеи» и особенно рисунки на деревьях, изображающие сцены промысла, культовые действия и т. д., найденные на р. Казыме в близости от старинных культовых мест. Изучая писаницы Урала на фоне прочих археологических памятников, В. Н. Чернецов заметил, что ареал их совпадает с территорией распространения ранних неолитических культур Зауралья, развитие которых, по его мнению, надежно прослеживается вплоть до исторического времени. Более того, в наскальных изображениях поздней поры отмечены знаки, в точности совпадающие с мансийскими тамгами XVII в. и в ряде случаев сохранявшиеся до недавнего времени.

В. Н. Чернецов ссылается и на письменные свидетельства (Сталенберг, Миллер), согласно которым святилища на скалах с писаницами или в соседних с ними пещерах принадлежали вогулам (манси). Здесь же уместно напомнить вывод исследователя о необыкновенной устойчивости некоторых изобразительных форм писаниц, что находится в прямом соответствии с устойчивостью и сохранением глубочайшей арханки «...в общественной структуре обских укров, в нормах экзогамии и брака, воззрениях на окружающий мир и внутреннюю сущность человека в отношениях последнего к животному миру».

К числу наиболее сложных в проблеме наскальных изображений относится и вопрос об их назначении и внутреннем содержании. Решая его, В. Н. Чернецов опирался, с одной стороны, на детальный анализ самих писаниц (их местоположения и ориентировки, сюжетов, стиля и т. д.), а с другой — на определенные аналогии и параллели с периодическими обрядами и празднествами обских ургов. В итоге он пришел к выводу, что «...наскальные изображения были связаны с обрядами календарного характера и приурочивались к определенному времени года, например к весеннему равноденствию...» и что они выражают действия целых коллективов — «коллективные мероприятия в области быта, промысла и культа» (ч. II, стр. 75, 83). На календарность связанных с писаницами обрядов, по мнению автора, указывает характер композиций, присутствие в них солярных и небесных символов, ориентировка полотен в основном к югу.

Содержание самих обрядов в известной мере помогло реконструировать те же параллели с сезонными обрядами обских ургов, хорошо знакомые В. Н. Чернецову. В сложном комплексе их он вычленил две особо важные для решения поставленного вопроса темы: 1) привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них; 2) весеннее оживление природы и идея размножения и увеличения количества рыбы и зверя. Следы магических обрядов такого рода, существовавших в Зауралье в древности, по мнению исследователя, отражаются в писаницах двух первых сюжетов, бесспорно связанных и с охотничьим промыслом, и с солярно-небесной символикой (ч. II, стр. 83). Композиции переходного характера, от второго к третьему сюжету, интерпретировались посредством «птичьих песен» и связанных с ними действий, которые отражают «идею единства человека и тотемного существа и связывают их в единый комплекс с весенним оживлением природы и растительности и появлением потомства» (ч. II, стр. 83). Наконец, писаницы третьего сюжета расшифрованы с помощью гравировок на зеркалах, близких им композиционно, где, как считают манси и ханты, изображены предки отдельных генеалогических групп. Предки обских ургов (олицетворявшиеся замаскированными танцорами) в определенное время года собирались на празднества, исполняя каждый свой танец «для счастья и удачи в промысле». Для закрепления этих действий предки обских ургов, по мнению В. Н. Чернецова, изображались в гравировках и, очевидно, в наскальных композициях. «Призывные песни», как и связанные с ними обряды и действия, отражают более поздний пласт в развитии общественных отношений и мировоззрения этого народа. Таким образом, изучение этнографии обских ургов помогло раскрыть содержание и назначение большинства писаниц Урала.

Для выделения сюжетов и композиций, установления хронологии и назначения рисунков В. Н. Чернецов пользовался преимущественно данными по археологии и этнографии Зауралья, откуда черпал все дополнительные наблюдения. В этой строгой привязке к определенной территории, совпадающей с ареалом распространения самих писаниц и принадлежавшей предкам современных обских ургов, большое достоинство работы. Но когда наскальные изображения Урала были уже рассмотрены, возникла настоятельная потребность значительно расширить географические рамки исследования. Иначе нельзя было ответить на следующий вопрос: «...явились ли наскальные изображения Урала частью изолированной, замкнутой в себе этнокультурной структуры, ограниченной лишь территорией распространения предков обских ургов, т. е. Зауралья и некоторых частей Обь-Иртышья, или вместе с этой структурой они находились в связи и взаимодействии с другими, входя таким образом в структуру более широкую, соответствующую более обширной этнокультурной общности» (ч. II, стр. 103, 105). В. Н. Чернецов разработал методику (программу) сопоставления писаниц Урала с наскальными изображениями других территорий, включающую целый ряд показателей: состав изображений, характер профильности, технику нанесения, направление развития, особенности стиля и т. д. В результате сравнения он пришел к выводу о значительной близости наскальных изображений Северной Норвегии, Урала и Ангары, р. Томи, а возможно, и Пэггымеля, открытых недавно Н. Н. Диковым. В. Н. Чернецов объяснил эту близость наличием каких-то общих для населения этих территорий представлений и традиционных навыков; существованием древней этнокультурной общности (урало-сибирского этнокультурного ареала). Эти группы наскальных изображений исследователь относит к этому ареалу, связывая их с территориями расселения восточной ветви древних уральцев (ч. II, стр. 104, 105). Из этой общности В. Н. Чернецов исключил петроглифы Карелии, несмотря на их промежуточное положение между скандинавскими и уральскими. Сопоставляя хорошо знакомые ему уральские и карельские наскальные изображения, он нашел, что между ними существуют глубоко принципиальные различия, соответствующие, по всей вероятности, не менее глубоким отличиям в хозяйственном быту, общественном устройстве, мировоззрении и обрядах породивших их обществ. В рецензируемой работе высказано положение, что здесь мы имеем дело и с разными этническими образованиями. Автор убедительно показал неразрывную связь тех и других памятников с местной физико-географической средой и общественно-трудовой практикой, с местной культовой обрядностью, традиционной и устойчивой.

В заключительной части своего исследования В. Н. Чернецов коснулся также проблемы общего и частного в наскальных изображениях урало-сибирского ареала и попытался выявить и некоторые общие закономерности их развития, проявляющиеся, в частности, в закономерно последовательном изменении форм изображения животных. Первопричину этих изменений в форме (стиле) он видел в развитии и изменениях тра-

диционных представлений, связанных с изготовлением наскальных изображений. Всего им выделено три группы изображений стадийного характера (ч. II, стр. 98—106).

Таковы основные выводы исследования В. Н. Чернецова. Его труд, несомненно, облегчит разработку методики изучения наскальных изображений нашей страны.

Решены ли поднятые в работе проблемы (кем, когда и с какой целью наносились писаницы Урала); можно ли принять предложенные выводы за окончательные; какова степень их достоверности? Ответ на эти вопросы наукой будет дан лишь по истечении определенного времени. Но уже сейчас можно утверждать, что это наиболее плодотворный подход к изобразительному материалу, серьезная попытка основательного и убедительного решения затронутых проблем, значительно обогатившая наши знания о наскальных изображениях. В науку умело введен ценный и многогранный исторический источник, не только тщательно обработанный, но и хорошо осмысленный. Рассмотренная работа не только подвела итог длительному изучению писаниц Урала, она распустила пути для дальнейших поисков, вести которые будет теперь несравненно легче, ибо многие отправные точки уже намечены. Заметим в связи с этим, что В. Н. Чернецов нигде не выдает свои соображения, выводы и наблюдения за окончательные суждения. И это ни в коей мере не перестраховка, и даже не столько известная всем скромность и кристальная честность исследователя в науке, сколько живое ощущение потенциальных возможностей этих своеобразных исторических документов, истинная научная ценность которых еще только-только осознается наукой.

Опыт изучения наскальных изображений показывает, что это такой источник, который не открывает всех своих тайн с первого чтения. Ученые будут не раз снова и снова обращаться к ним по мере открытия новых памятников первобытного искусства, использования данных естественных наук, находить в них что-то новое.

При чтении работы В. Н. Чернецова возникает ряд вопросов, которые вовсе не влияют на ее высокую оценку, но, возможно, представят некоторый интерес для будущих исследователей писаниц Урала. На наш взгляд, полезна была бы более детальная статистическая обработка писаниц, ибо количественные показатели важны и при сопоставлении наскальных изображений разных районов. В главе «Писаницы Урала и наскальные изображения других территорий» совершенно не рассматриваются петроглифы северной Швеции, занимающие промежуточное положение между норвежскими и карельскими и весьма выразительные сами по себе. Без анализа шведского материала трудно по-настоящему представить западную часть урало-сибирского этнокультурного ареала. Само существование намеченной В. Н. Чернецовым древней этнокультурной общности в пределах западных областей (Норвегия, Карелия) нуждается в более тщательном обосновании местным археологическим и этнографическим материалом. Непрерывную генетическую связь между культурой, представленной могильником на Южном Оленьем острове в Онежском озере, неолитическими поселениями Колыского полуострова и могильником на Северном Оленьем острове в Баренцевом море никак нельзя считать достоверно установленной, ибо в действительности пока эта работа никем не проделана. В. Н. Чернецов не принял во внимание, что с протосаамами связывают не только (и не столько) керамику сперрингс, сколько более позднюю гребенчатую керамику с примесью асбеста, навряд ли генетически связанную со сперрингс. Сам исследователь относил ее к западному ареалу, чуждому культурам финно-угорского происхождения. Исключение ямочно-гребенчатой и асбестовой керамики из круга протофинно-угорской, на наш взгляд, также нуждается в более развернутой аргументации. Поскольку керамика этих типов распространяется на территории Карелии значительно шире, чем сперрингс, и захватывает Колыский полуостров, генетическая связь более ранних археологических культур с поздними, стоящими ближе к саамам, остается неясной.

Различая для эпохи первобытности изобразительную деятельность и деятельность художественную, В. Н. Чернецов считает, что писаницы относятся к изобразительной деятельности и главной своей целью имеют передачу информации. Сознательная художественность выполнения в них будто бы отсутствует или во всяком случае не является сколько-нибудь существенной. Нам представляется, что вопрос этот несколько сложнее и для выяснения его требуется более пристальный историко-художественный анализ памятников первобытного искусства. В некоторых наскальных изображениях, например в петроглифах Карелии, сознательная художественность исполнения выступает весьма отчетливо. Вообще в наскальных изображениях в той или иной мере решались и художественные, эстетические задачи, которые, естественно, не были самоцелью.

Большой научный интерес представляет вывод о существовании урало-сибирского этнокультурного ареала, к которому В. Н. Чернецов отнес наскальные изображения от Норвегии до Ангары, а быть может, и до Пэгтымеля, связывая их с территорией расселения восточной ветви древних уральцев. Однако время его сложения, границы, в которых он существовал, особенности развития, связь с выделенными уже археологическими культурами и другие вопросы еще ждут своего решения.

Нет сомнения в том, что прекрасное исследование В. Н. Чернецова будет способствовать дальнейшему развитию нового раздела исторической науки — исследованию петроглифов, складывающегося где-то на стыке археологии, этнографии, истории первобытного общества. Основной целью работы является изучение духовной жизни первобытного общества, первобытного сознания и мышления, ярко отразившегося в этих памятниках.

Ю. А. Савватеев